

МЕМОРАТИВНЫЙ ЛАНДШАФТ МАЛОГО ГОРОДА: КОНФИГУРАЦИИ И СЛОИ

Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова

Наталья Вадимовна Веселкова | <http://orcid.org/0000-0002-0855-8901> | vesselkova@yandex.ru | к. соц. н., доцент кафедры прикладной социологии | Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия)

Елена Викторовна Прямикова | <http://orcid.org/0000-0002-6783-008X> | ryamikova@yandex.ru | д. соц. н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории “Международный центр демографических исследований” | Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия) | профессор кафедры философии, социологии и культурологии | Уральский государственный педагогический университет (пр. Космонавтов 26, Екатеринбург, 620091, Россия)

Ключевые слова

меморативный ландшафт, социальная память, многослойность, актуализация, забвение, политика памяти

Аннотация

Меморативный ландшафт (МЛ) любого города представляет собой сложную многослойную систему. В фокус внимания помещены четыре малых российских города, различающихся давностью существования: “старые” Котельнич и Красноуфимск и “молодые” Инта и Медногорск. Формирование меморативного ландшафта рассматривается по критериям связи с местом меморизуемых событий, временем создания и актуализацией. В современном ландшафте анализируемых городов четко выделяются три подвергаемые меморизации эпохи: купеческое прошлое, советский период и даже этапы истории планеты Земля, когда человечества еще не было. Общей тенденцией является стремление к меморизации, привязанной к местности. Конфигурации элементов меморативного ландшафта, логика и динамика актуализации обеспечивают МЛ уникальность в рамках конкретного города.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00418]

Почти три четверти городов в России относятся к категории малых¹. Каждый малый город имеет свою историю, находящую отражение в сегодняшней жизни. Для аналитического описания представленности прошлого в настоящем мы прибегаем к понятию меморативного ландшафта (МЛ), который понимается как род культурного ландшафта (в терминах Б. Родомана и

Статья поступила 05.06.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 27.09.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH

Veselkova, N.V., and E.V. Pryamikova. 2022. Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi [Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH

В. Каганского [Родоман 2002; Каганский 2013; ср.: Цурик 2015]), воплощающий работу социальной памяти. Иными словами, в МЛ входит все то, что в культурном ландшафте относится к памяти с ее вещественными и нарративными элементами². Воспоминания разных людей пересекаются между собой, образуя узлы памяти в пространстве малого города. Дж. Олик использует термин “фигурации памяти”, понимая под ним “сложноструктурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов, несводимых ни к заданной форме изображения, ни к контексту настоящего или к событию в прошлом” (Олик 2012: 69). Действительно, события, которые изменили жизнь горожан к лучшему или к худшему, например, расцвет или угасание промышленных предприятий, пересказываются, интерпретируются, обрастают определенными коннотациями, меняющимися в зависимости от ситуации в настоящем. Меморативный ландшафт высвечивается как некая картина смыслов, являющаяся следствием фигураций памяти, воспроизводимых жителями, и отражающая ситуацию прошлого и настоящего этого города.

В определении памяти мы делаем акцент на движении информации о прошлом³. Метафора реки, которая разливается или мелеет в определенные периоды и в определенных местах, как нельзя лучше выражает изменчивость и динамику памяти (Вандышев и др. 2022а). В масштабе небольшого поселения очень хорошо видно, что на конкретную конфигурацию МЛ влияют не только собственная история города и общенациональная политика памяти, но и деятельность градообразующего предприятия и местных властей, институции гражданского общества и вовлеченность жителей.

В фокусе внимания этой статьи – четыре малых города из разных регионов России, выбранные исходя из возраста поселения: если Котельнич (с его Алексеевской ярмаркой) и Красноуфимск были известны как торговые центры уже в XVIII–XIX вв., то Инта и Медногорск возникли в связи с разработкой месторождений, строительством шахт и предприятий уже в советский период (см.: Табл. 1). Различаются эти поселения и текущим социально-экономическим положением. Тяжелее всего оно в Инте: с закрытием всех шахт (к началу 2020-х годов по сравнению с концом 1990-х) она потеряла более половины населения. На ее фоне остальные города выглядят более благополучно: стоящий на федеральной трассе Котельнич и Медногорск, в котором не без потерь, но продолжают работать два больших завода, за тот же период лишились менее трети жителей, Красноуфимск, где самым массовым местом трудоустройства служит железная дорога, – менее 20%.

Таблица 1

Характеристика изучаемых городов

Город	Год основания/статус города	Численность населения, чел. (2021 г.)	Регион
Котельнич	1143 г. (первое упоминание) / 1780 г.	22 508	Кировская обл.
Красноуфимск	1735 г. (построена крепость) / 1781 г.	37 444	Свердловская обл.
Медногорск	1915 г. (строительство туннеля) / 1939 г.	24 321	Оренбургская обл.
Инта	1932 г. (открытие месторождения) / 1954 г.	23 701	Республика Коми

На данном этапе эмпирическую базу продолжающегося исследования составляют проведенные в 2021–2022 гг. 136 малоформализованных мобильных (*go-along*) и стационарных интервью, ментальные карты, предоставленные информантами фото и иные документы, а также данные наблюдения и исследовательского фото-мэппинга, материалы локальных СМИ, включая местные паблики в социальных сетях.

Многослойность меморативного ландшафта

Внимание к палимпсестной сложности (*Mutin* 2005; *Binder* 2015) МЛ настраивает исследовательскую оптику на анализ не застывших структур, а динамики, показывающей совместность разнородных элементов. Возможно, приходит пора вновь обратиться к открытиям множественности 60–70-х годов XX в. (несколько обесцененным вседозволенностью наступавшей тогда на пятки постмодернистской ризомы): в 1960-е годы на множественность реальностей ориентировала феноменологическая социология и “Социальное конструирование реальности” П. Бергера и Т. Лукмана, в 1970-е над пониманием ландшафта как палимпсеста работал Д. Майнинг (напоминает И. Митин [*Mutin* 2014; *Meinig* 1979]).

Пожалуй, самую объемную картину дает лотмановский образ города как котла “текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням”, предложенный в статье 1984 г. (*Лотман* 1992: 13). Собственно, наблюдаемая в поле конкретная “стыковка различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов”, посредством которой город осуществляет работу памяти через “разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы” (Там же), и составляет предмет нашего интереса.

Сегодня “многослойность” оказывается востребованной и для популярного описания туристских достопримечательностей, скажем, маленького Котельнича (*Курбатов* 2018), и для построения научной концептуализации. Так, Р.Ф. Туровский апеллирует к “слоистости русской истории”, рассуждая о том, почему “советский пласт в культурном ландшафте... частично законсервировался, стал еще одной своеобразной традицией”, войдя “в плоть и кровь региональной идентичности” (*Туровский* 2003: 141). Помимо слоев памяти Т. Коул оперирует также близким нам понятием масштабов памяти, вслед за авторами анализируемых в его обзоре работ призывая учитывать, насколько современная память (о Второй мировой войне) в разных частях Европы связана с предшествующей (о Первой мировой войне) (*Cole* 2002: 135–136). Есть исследования об отдельных европейских (*Wallman* 2020) и восточно-европейских (*Musekamp* 2010, 2013), что иногда особо подчеркивается (*Pakier, Wawrzyniak* 2015), поселениях, а Э. Хелин и С. Кауфман с помощью понятия слоев памяти описывают ситуацию в Аргентине в национальном и персональном измерениях (*Jelin, Kaufman* 2017).

Слои не просто различны, они находятся в динамических, зачастую неравновесных отношениях. Л.Н. Мазур выделяет в “слоистой структуре” историко-культурного и меморативного ландшафтов российских исторических городов “памятники и следы доимперского, имперского и советского прошлого”, объясняя доминирование одного из слоев памяти историко-культурным капиталом города и его современной стратегией развития (промышленность, туризм, многофункциональный центр) (*Мазур* 2022). Более широкой рамкой, задающей приоритеты МЛ и их смену, выступают общенациональная политика символов и политика памяти (в соответствии с которыми, например, в позднесоветское время Октябрьская революция в МЛ стала вытесняться Великой Отечественной войной). К. Шлёгель замечает, что понятие слоев памяти соединяет место и время, подобно бахтинскому хронотопу (*Schloegel* 2008). Можно видеть, однако,

что в основе выделения слоев зачастую лежит только временное измерение – история ландшафта (ср.: *Митин* 2014). Мы предлагаем анализировать МЛ в единстве критериев места, времени и степени актуальности.

МЛ в нашей трактовке включает пространственно “заземленные” элементы культурного ландшафта, отсюда принципиальным становится характер *связи с местом*. По этому критерию выделяются элементы МЛ трех типов: 1) без связи с местом, 2) имеющие связь с городом, но не с конкретным местом, 3) имеющие связь с конкретным местом событий (*Веселкова* 2022). По *времени* создания элементы МЛ различаются по дистанции, отдаляющей меморизацию от памятных событий: можно различать кратко-, средне- и долгосрочный МЛ, имея в виду не только количество истекших лет, но и качественные изменения, смену эпох. В целом именно временное измерение превращает “простую” гетерогенность в слоистость. Так, история Земли до появления человечества тоже становится объектом меморизации. Во-первых, это связано с тем, что существуют следы обитателей тех времен. В Красноуфимске жители находят отпечатки древнейших существ на известняке, который буквально валяется под ногами:

Ж.: ...это все на дороге у нас лежит. Вот это все – дно пермского моря.

М.: По крайней мере, знаете, их можно найти в любой момент, если снега нет, посмотреть просто – вымывает иногда их. Вот. То есть даже не надо ни в какой карьер ездить, никуда.

Ж.: ...А лучшие экземпляры [сын] свои отдал, в Москве, в музее палеонтологии хранятся (КфЖ47 и ее сын КфМ13⁴).

Во-вторых, эта меморизация носит своего рода вторичный характер: открытия ученых, зафиксированные в научно-популярной форме, становятся общераспространенным знанием и воспринимаются как история, но уже не человечества, а Земли в целом.

Актуализация МЛ – это деятельность по управлению МЛ⁵. Позитивная, созидательная актуализация происходит за счет внесения новых текстов и кодов либо возрождения старых. Стратегия и конкретные формы актуализации могут различаться по степени активности: варьировать от агрессивных до мягких, от радикальной, тотальной замены до компромиссных решений. Итогом становится определенное соположение слоев, которое мы называем конфигурацией МЛ. Это понятие восходит к фигурационной социологии Н. Элиаса и фигурациям памяти Дж. Олика (*Олик* 2012) и используется здесь для обозначения относительно устойчивого (при всей подвижности и внутренней сложности) конкретного состояния МЛ, доступного для эмпирической фиксации. Взятые в движении на определенном историческом отрезке, такие соположения создают динамику МЛ.

Созидательные усилия нередко сопровождаются деструкцией прежних слоев МЛ; невнимание к каким-то сторонам МЛ, недостаток действий или бездействие также оказываются деятельностью по управлению МЛ. Для понимания подобных эффектов мы привлекаем типологию забвения П. Коннертона (*Connerton* 2008; ср.: *Ассман* 2019; о забвении в исследованиях памяти см.: *Трубина* 2011: 30–31). Старые поселения, уже в статусе города встретившие революции и гражданскую войну, сохранили значительный слой МЛ об этих событиях.

Чего стоят одни только памятные доски, отмечающие, кажется, все шаги происходивших преобразований. Например, в Красноуфимске:

Здесь в 1905–1907 г.г.
была явочная квартира
подпольной организации РСДРП (б)⁶.

Здесь в 1918 г. формировался
кавалерийский полк
им. Володарского

в Котельниче:

Памятник истории
В этом здании
в конце 1918 г.
размещалось правление
горкома РКСМ

Памятник истории
В этом здании
в 1918–1919 гг. работала
чрезвычайная комиссия (ЧК)
по борьбе с контрреволюцией
и саботажем

Готовые слиться со стенами, эти доски не включены ни в какие коммеморации, информанты не говорят о них, в мобильных интервью проходят мимо, совершенно не замечая.

Тех же, кто даст себе труд взглянуть, не может не впечатлить количество и разнообразие памятных досок (в Котельниче, напр., есть несколько домов, которым в 1922 г. присвоили имена героев гражданской войны, о чем и гласят соответствующие таблички). Вместе с мемориалами, топонимикой и т.п. они создавали поверх старого ландшафта плотные слои новых, призванных через непрерывность и повсеместность меморируемых революционных практик продемонстрировать историческую закономерность установленного порядка.

Сегодня все эти знаки на месте, они не подвергались “репрессивному стиранию” (первый тип забвения по П. Коннертону), как, скажем, сначала царская символика в раннесоветском обществе, затем напоминания о “врагах народа”, а в период десталинизации – посвященные “вождю народов” памятники и топонимы. Скорее “революционный” слой МЛ обязан своей дезактуализацией “предписанному забвению”, служащему “формированию новой идентичности” (второй и третий типы по П. Коннертону) (*Connerton* 2008: 61–64). В итоге активно формируемый в наши дни МЛ идет стык в стык, в смысле Ю.М. Лотмана, с этим спящим “революционным” слоем. Что же представляет из себя современный слой?

Актуальный меморативный ландшафт: три пласта прошлого

Как показывает исследование, в актуальном МЛ четко выделяется три пласта прошлого. Первый отсылает к истории планеты Земля: в Котельниче есть “Динопарк” и Палеонтологический музей, в Красноуфимске создается “Палеотропа”, в Инте рассказывают об обнаруженном в этих местах ископаемом интазухусе. Второй характерен прежде всего для старых городов и связан с их торговым, купеческим прошлым. Третий охватывает советское время, демонстрируя как трагические периоды жизни страны (революционное переустройство общества, репрессии, война), так и ретроспективно воспринимаемые как более благополучные по сравнению с настоящим 1960–1970-е годы.

В соответствии с текущей общенациональной политикой памяти тема Великой Отечественной войны является осевой для всех четырех городов; она определенно доминирует в МЛ Котельнича, Красноуфимска и Медногорска – это бросается в глаза в ходе наблюдения и признается информантами: “Памятников у нас очень много <...> в основном все памятники посвящены подвигу котельничан в годы Великой Отечественной войны” (КтМ56).

Тема войны красной нитью проходит через музеи изучаемых городов, включая музеи школ и колледжей. Рассказывает руководитель одного из музеев образовательной организации:

Орден, который у нас в центре, – это вот как раз макет настоящего Ордена Отечественной войны. Я думаю, что это является, вот, моей гордостью, скажем так. Ярко все, чтобы это все запомнилось. Дети с удовольствием вот прямо около этого Ордена всегда фотографируются... есть у меня... экскурсия, называется “История одного экспоната”... как раз вот об Ордене Великой Отечественной войны (МдЖ64).

Все четыре наших города во время войны находились в тылу, поэтому здесь нет меморизации боевых действий, но особое место занимает память о погибших в эвакуации. В Медногорском пос. Ракитянка в 1958 г. на месте братской могилы поставили обелиск умершим в эвакогоспитале воинам Советской Армии (Обелиск... 2019). Ученики местной школы ухаживают за этим памятником, он входит в маршрут посвященного Дню Победы автопробега “От обелиска к обелиску”. Один из двух монументов, возведенных в Котельниче к 20-летию Победы, также посвящен умершим в эвакогоспиталях, он расположен на Братском кладбище. Как и в Медногорске, он реализует меморизацию третьего типа – на месте событий, в данном случае захоронений.

Другой котельничский памятник – погибшим воинам-землякам – находится в центре города и осуществляет меморизацию второго типа, т.е. связанную с городом, но не с конкретным местом. Спустя еще 20 лет, в 1985 г. был открыт мемориал боевой и – что стало характерным для общенациональной политики памяти того периода – трудовой славы котельничан в годы Великой Отечественной войны. Больше всего рассказов и эмоций, однако, вызывает памятник, установленный в Котельниче в 2010 г., и не только потому, что он ближе по времени, но и в силу его специфичности, как считают местные жители, именно для их города. Это Мемориал в память об умерших во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Созданный в Котельниче в 2008 г. Фонд “Земля Вятская”⁷, как рассказывают наши собеседники, “поддержал идею ЗАГСа”, работники которого “вдруг обнаружили списки, нигде не опубликованные, захороненных у нас в городе эвакуированных граждан” (КтЖ55).

Теперь на плитах высечено около трех тысяч фамилий с указанием возраста, много детей, треть имен – из блокадного Ленинграда. Своей формой памятник обыгрывает железнодорожную тему и расположен на месте старого ж/д вокзала. Его открыли 17 июля, в день, когда в 1941 г. с прибывшего эшелона впервые сняли умерших по дороге людей. Таким образом, мемориал имеет двойную связь с местом: с перроном, к которому прибывали поезда, и датой, которая теперь отмечается как местный День памяти. И хотя памятники жертвам блокадного Ленинграда, не перенесшим эвакуации, в 2009 и 2015 гг. появились в Ярославле, в 2018 г. в Вологде (и эта тенденция сохраняется) – все они установлены не на перронах, а на кладбищах. Вероятно, поэтому котельничане считают свой мемориал совершенно особенным, он стал своего рода символом города, его изображения можно встретить на туристских магнитиках.

Красноуфимск гордится тем, что на его территории в годы войны формировалось несколько дивизий. В 1970-е годы историей одной из них вместе со своими студентами начал заниматься преподаватель училища А.Ф. Ларин. В учебном заведении возник отряд “Поиск-221” и был открыт музей, в котором хранились собранные материалы; с уходом А.Ф. Ларина в начале 2000-х годов музей прекратил свое существование. О трагической истории 152 “замерзшей” дивизии заговорили только после перестройки, теперь одна из улиц Красноуфимска носит имя этой дивизии (Муланурова 2004; Дьяконова 2015).

В 2010-е годы, всерьез занявшись брендингом, оба исторических города во главу угла поставили актуализацию древнейших пластов прошлого. В Котельниче в этом смысле показателен проект “Котел времен” – в целях туристического продвижения город позиционируется как: 1) родина динозавров, 2) старый город, где сохранилось свыше 30 памятников истории и культуры X–XIX вв.⁸, 3) место проведения Алексеевской ярмарки (Проект... 2011). В конце 2011 г. проект получил 10 млн руб., победив в областном конкурсе, в 2014 г. выиграл уже федеральный грант. В итоге в овраге на берегах речки Балакиревицы расположился “Динопарк”, имевший значительный коммерческий успех, пока ини-

циативу не перехватил областной центр. Ежегодные раскопки в окрестностях Котельнича продолжают пополнять Палеонтологический музей, который по замыслу должен работать в тандеме с “Динопарком”. Объекты “Динопарка” – не просто аттракционы, а отсылка к месту неподалеку от Котельнича, где обитали парейзавры.

В Краеведческом музее появились новые экспозиции, показывающие купеческий быт и магазин советских времен. На улицах установили стенды со старыми фотографиями, призванные, по словам представителя руководства и одного из вдохновителей проекта, воссоздать “единое историческое пространство города”, сильно пострадавшего от пожара 1926 г. Задаваемые стендами два пешеходных маршрута (пока реализован только один) призваны сделать “визуально реальной” “связь прошлого и настоящего” (КтМ56). По словам информантов, сведения оказались интересны не только приезжим, но и местным жителям, стенды не подверглись вандализму, что наши собеседники считают очень показательным. Все составляющие “Котла времен” работают с мемориацией, стремящейся ко второму и третьему типам, т.е. привязке к местности.

Красноуфимск с 2015 г. брендирует себя как “город земских традиций”, работая с наследием соответствующего периода (1870–1917 гг.) (Беляева, Ладыгина 2022), чуть позднее был запущен проект “Палеотропа” (Ладыгина 2020). И хотя челюстной аппарат геликоприона, акулы пермского периода, ныне хранящийся в местном краеведческом музее, был найден на территории Красноуфимского уезда еще в XIX в. (Открытие геликоприона б.г.), такого системного внимания вымершая фауна удостоилась лишь в 2020-е годы. На главной улице, от музея до набережной, появилось несколько современных арт-объектов: древний большерогий олень – мегалоцерос, упомянутый выше геликоприон и др. Целевой группой “Палеотропы” считают не только детей, но всю учащуюся молодежь. По словам сотрудника администрации, в городе 3 тыс. студентов колледжей, поэтому нужны интересные городские пространства. “Палеотропа” позволяет переноситься в виртуальную реальность: наводишь планшет, что-то оживает, начинается какое-то действие (КфМ45). Мы наблюдали энтузиазм горожан при установке фигуры оленя, в соцсетях появились положительные отклики. У части красноуфимцев, однако, обращение к столь давнему прошлому, ранее совсем не актуализированному, вызвало отторжение: “Не нужно ничего этого. Смысла в этом нет. Никто не знает ничего про этих чудовищ, да и прямого отношения к жизни и истории города это не имеет. Город был основан как крепость, как торговый город. Развивать нужно эти темы”, – читаем в интернет-обсуждении эскиза палеотропы (Эскизы... 2020). Два измерения МЛ, место и время, работают в данном случае не в унисон: привязка к местности при слишком большой временной дистанции не спасает от ощущения чуждости, несвязанности с историей города.

Если в Котельниче и Красноуфимске активно продвигаемое палеонтологическое наследие соседствует с актуализацией купеческого города и с советским пластом МЛ с ярко выраженной темой Великой Отечественной войны, то в Инте конфигурация МЛ совсем иная (Прямыкова 2022). И хотя тут тоже есть свои древние ископаемые и, конечно, военные памятники, доминирующей с 1990-х годов стала тема политических репрессий. Про открытие интазухуса, ископаемого “крокодила”, рассказывают через судьбу геолога Георгия Дмитриева, отбывавшего срок в Минлаге, где в 1948 г. он и обнаружил в шахтных отвалах останки раковин, рыб и, как выяснилось, не известного ранее животного (Корольков и др. 2016)⁹.

Квинтэссенцией темы стал Музей истории политических репрессий (обособленное структурное подразделение Интинского краеведческого музея), разместившийся в знаменитой водонапорной башне. Построенная, как и весь город,

руками заключенных, она была пущена 4 октября 1954 г., когда Инта получила статус города. В 1984 г. башня была включена в эмблему города, а 4 октября 2014 г. в ней заработал музей (Музей истории... б.г.; *Артеев* 2021). Его становление воплощает закономерности формирования слоя МЛ, посвященного политическим репрессиям.

Еще в 1954 г. в основание шпиля башни тайно была заложена капсула времени с посланием потомкам, фотографиями и т.п., подготовленная заключенным Артуром Тамвелиусом, одним из авторов уникального художественного облика башни. Вскоре, однако, лотос на шпиле заменили звездой. Прорабу удалось забрать и сохранить надежно упакованный сверток с посланиями, который вскрыли только в 1991 г. Его содержимое вошло в большую экспозицию краеведческого музея о ГУЛАГовских временах, а копии посланий с 2014 г. представлены в самой башне.

На рубеже 1980–1990-х годов в Инте шли бурные обсуждения истории башни и ее дальнейшей судьбы, предлагалось устроить здесь смотровую площадку или детский планетарий (*Хабаров* 1990; *Детская болезнь* 1990)¹⁰. В руководстве города отмечают и другие обстоятельства, повлиявшие на превращение здания в Музей истории политических репрессий, – от необходимости ремонта и до обнаружения новых артефактов периода ГУЛАГа: “...люди начали когда выезжать... и начали вскрываться бараки, вот. А в бараках люди находили <...> под подокозник прятали вот эти документы, вещи какие-то и <...> вот это все начало появляться. Много, много появилось в музее экспонатов новых вот такого плана, и <...> встал вопрос, т.е. куда это все размещать” (ИнЖ49). Главной же была потребность обратиться к тяжелой судьбе своего города – из проговаривания трагедии оформлялась и гордость малой родиной. Теперь рассказ о башне, Тамвелиусе и капсуле времени сопровождает едва ли не каждое упоминание об Инте, есть он и в книге первого директора Интинского краеведческого музея историка Л.Н. Малофеевской (*Малофеевская* 2004: 299–304), и в фотоальбоме 2021 г. (Интинские новости 2021).

В советский период память о репрессиях не могла быть открыто представлена на официальном уровне – “всё было замечательно, все, всё зашорено” (наша собеседница показывает руками квадрат вокруг головы) (ИнЖ45). Л.Н. Малофеевская пишет о том, как в начале 1970-х годов представитель КГБ запретил рассказывать в музейной экспозиции о первооткрывателе интинских углей И.Н. Сорвачеве, считавшемся врагом народа (*Малофеевская* 2004: 14). Тем не менее начало меморизации “трудного прошлого” уходит во времена существования лагеря, о чем говорят не только капсула Тамвелиуса, но и первый в СССР памятник политзаключенным “Дзимтеней” (“Родине”), установленный в 1956 г. на Восточном кладбище, и другие свидетельства, представленные в Интинском музее истории политических репрессий (см., напр.: *Баранов* 2017).

На волне перестройки меморизация стала открытой и очень активной. В 1990 г. на инициативной основе в Инте появилось три памятных знака: “Жертвам сталинизма”, “Женщинам ГУЛАГа” и “Рупинтоелис” (“Скорбящий спаситель”). Уже с конца 1980-х годов (т.е. до того, как в 1991 г. был учрежден общенациональный День памяти жертв политических репрессий 30 октября) люди стали стихийно собираться у памятника “Дзимтеней”, “чтобы почтить память погибших земляков”, с 2004 г. эта традиция приобрела форму ежегодной акции “Кольцо Покаяния” (*Батманова* 2020; *Интинский...* 2021). С конца 1990-х годов деятельность ГУЛАГа в республике Коми становится предметом целого ряда научных публикаций (*Морозов* 1997; *Максимова* 2005; *Жеребцов и др.* 2006; *Игнатова* 2006, 2009, 2011). В настоящее время в актуализации данной темы происходит определенный спад, в Инте заметный, в частности, по сравнению с паломничеством 2000-х годов. Тогда приезжало много поляков, литовцев, латышей, “очень мощная... была тема Карсавина” (похороненного в пос. Абезь, где

действует небольшой филиал Интинского музея [Прокофьева 2020]) – но еще до пандемии этот поток почти иссяк; мемориальный туризм, по оценке специалистов городской администрации, не превышает 5%.

В трех остальных городах тема репрессий почти не представлена и проявляется лишь при целенаправленном поиске. Сопоставимых с Интой лагерей тут действительно не было, однако везде есть свое “трудное прошлое”. Так, в 1937 г. были расстреляны все руководители строящегося Медногорского комбината, о чем в музее предприятия рассказывает специальная экспозиция и альбом с выдержками из документов и фотографиями – все это собиралось в конце 1990-х годов при создании этого музея. Он находится на закрытой территории комбината и работает по запросу, штатного сотрудника нет. Именно в Медногорске в беседах с информантами мы пытались выяснить, почему память о “неудобном прошлом” почти не актуализируется. В ответ нам рассказывали о судьбах спецпереселенцев, в том числе семей раскулаченных, о спецгоспиталях, куда помещали солдат и офицеров, выбравшихся из нацистского плена, – и почти ничего о трагической судьбе оренбургского казачества. Все эти истории практически не возникают в интервью без специальных вопросов, не рассматриваются при изучении истории в школе и отсутствуют в МЛ. Позиция наших информантов очень проста: не надо ворошить прошлое, так как темы противостояний первой половины XX века до сих пор болезненны для целой череды поколений; затрагивать эти моменты, говорят информанты-педагоги, можно только в старших классах.

В Котельниче, рассказывая об известном горожанине, одна из собеседниц, понизив голос, обмолвилась, что он прошел лагерь. Чуть более развернуто тема (начального периода) репрессий возникла в двух интервью, когда информанты показывали на левый берег Вятки:

Там у нас, кстати, Поклонный крест. Вот здесь. Мы установили станцией [юных туристов]. Там, значит, были найдены захоронения репрессированных. <...> сейчас бурно разрослась растительность. А когда кустов нету, то он прямо вот где-то вот здесь. Мы с батюшкой Владимиром его освящали (КтЖ55).

Здание детского сада “Вишенка”, а когда-то, во времена революции, здесь был штаб революционеров, потом было НКВД. <...> И когда, значит, проводились ремработы, то находили, как бы, скелеты расстрелянных людей. <...> Революционное [время], 17-й, 18-й годы. А НКВД чуть позже, в послевоенное время [после гражданской войны], когда гонения были на религию, на культовые мероприятия. Здесь очень много привозилось тоже с округи священнослужителей, работников религиозных организаций, и тоже велись расстрельные действия. За рекой есть место, которое называется Красный Яр, т.е. там стоит Поклонный крест, потому что туда увозили очень много именно работников культовых организаций, и велись массовые расстрелы. Вывозили на баржах туда (КтЖ52).

Далее углубляться информантка не стала, а в ответ на расспросы сообщила только, что памятника жертвам политических репрессий в Котельниче нет, по ее словам, эта тема “у нас не затронута”. Между тем в 2005 г. появился подготовленный школьниками 12-минутный фильм “Красный Яр. Котельничский район” (Красный Яр б.г.), рассказывающий о поисковом проекте, по результатам которого и был установлен Поклонный крест в Кобыльем логу:

В 2003 г. члены научного общества станции юных туристов от директора музея истории крестьянства Котельничского района узнали о расстрелах за рекой Вяткой в 1918–1919 гг. Возникла идея проекта. Расспросили старожил, поработали в архивах, побывали за рекой и выявили несколько мест расстрелов. 29 октября 2004 г., накануне дня памяти жертв политических репрессий, установили Поклонный крест в память о жертвах политических репрессий (Красный Яр б.г.).

Сами по себе памятный знак или какая-то акция, не включенные в систему, остаются вне соответствующего МЛ и не способны дать устойчивой активизации памяти. Ровно в те же годы, что и в Котельниче, поисковые работы в местах массовых захоронений при активном участии учащихся велись Интинским краеведческим музеем (*Владиминова 2006*) – один из наших информантов вспоминал о таком своем опыте, – в Инте это стало актуальным слоем МЛ, а в Котельниче нет.

* * *

Аналитическая оптика МЛ нацеливает внимание на разнообразные проявления работы памяти в культурном ландшафте; при этом “ландшафтность” отвечает за системность и территориальную заземленность. Мы попытались раскрыть на примере четырех малых российских городов продуктивность этого подхода, основывая анализ МЛ на совокупности критериев места, времени и степени актуальности.

Динамика МЛ подчиняется общим закономерностям, среди которых заметно стремление к актуализации локального наследия различной временной глубины. В старых городах можно обнаружить сходную актуализацию как существовавшего до возникновения человечества, так и купеческого или земского прошлого, в молодых – актуализируется индустриальное наследие; осевой везде остается тематика Великой Отечественной войны. Внимание к военной теме, безусловно, связано с государственной политикой памяти, но к ней не сводится, поскольку семейные истории, школьные рассказы о конкретных людях, знакомых и родственниках, которые большей частью ушли из жизни, формируют и вполне конкретную живую память.

Актуализация различных слоев МЛ не только определяет новые возможности для брендинга города, но и создает особую атмосферу, которая повышает значение поселения в глазах самих жителей, обеспечивая уникальность, противостоящую “провинциальной” усредненной локальности. Так, в Котельниче актуализируются активность купечества и Алексеевская ярмарка, а в Красноуфимске одним из центров меморации досоветского периода является Земская больница, воспроизводящая уникальную картину работы медиков того времени. По-разному представлена тематика репрессий: в Инте – это одна из основных тем истории города, а в Медногорске – частный случай, зафиксированный в музее медно-серного комбината.

Рассказанная история города, воплощенная в МЛ, несмотря на сходство актуализируемых периодов-слоев, специфично расставляет акценты, создавая различные конфигурации. Одна часть некогда героизированной раннесоветской памяти сохраняется в спящем, дезактуализированном состоянии, другая так и остается непроработанной. Трудное прошлое гражданской войны и раскулачивания оказывается под спасительной, как представляется некоторым информантам, сенью предписывающего забвения. На этом “осторожном” фоне ярким пятном выделяется Инта, память которой пронизана именами заключенных и достигнутыми благодаря им победами. С темой репрессий тут могла бы соперничать только тема славного шахтерского прошлого, утраченная вместе с ушедшим периодом городского благоденствия. Таким образом, избирательная множественность меморизации, ее внутренняя логика и динамика в каждом из городов создают характерные конфигурации МЛ, где поверх общих закономерностей прослеживаются местные, особенные черты.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-18-00418) “Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)”.

Благодарим анонимных рецензентов за полезные рекомендации.

Примечания

¹ По состоянию на 01.01.2021 в РФ насчитывалось 795 малых городов, что составляет 71,2% от общего числа городов (Мазур 2022).

² Подробнее о понятии МЛ, его характеристиках и структуре см.: *Вандышев и др. 2022б; Веселкова 2022.*

³ Обзор концепций социальной памяти см.: *Вандышев и др. 2022а.*

⁴ Здесь и далее для цитат из интервью используется шифр, где первые две буквы означают город: Кт – Котельнич, Кф – Красноуфимск, Ин – Инта, Мд – Медногорск, следующая буква – пол (М/Ж), цифрами обозначен возраст информанта.

⁵ Благодарим к. филол. н. Н.Б. Граматчикову за комментарии к аспекту актуальности МЛ, высказанные на конференциях и в личном общении. Если Н.Б. Граматчикова относит к МЛ только ту часть историко-культурного ландшафта, которая находится в актуальном состоянии, то в нашей трактовке МЛ включает и актуализированные, и “спящие” слои.

⁶ В воспроизведении надписей здесь и далее сохранено оригинальное написание.

⁷ Благотворительный фонд пропаганды научного и культурного наследия “Земля Вятская” просуществовал до 2018 г.

⁸ В том числе памятники археологии Котельничское и Скорняковское городища, памятники архитектуры Гостиный двор и Никольский храм.

⁹ Впрочем, в актуализации открытия Г. Дмитриева в 2019 г., когда группой ученых из разных стран в Коми были обнаружены останки «еще одного древнего “крокодила”», ГУЛАГовский контекст уже не фигурирует (В Коми... 2019).

¹⁰ Благодарим за предоставленные газетные материалы Н.И. Лосеву.

Источники и материалы

Артеев 2021 – *Артеев А.* Приполярная готика Инты // Республика. 16.03.2021. <http://respublika11.ru/2021/03/16/pripolyarnaya-gotika-inty/>

Баранов 2017 – [*Баранов Н.А.*] Экскурсия в башне // Рамиз Демиркушак. YouTube. 2017. 29 марта. <https://youtu.be/Ip0Sa5mPL7E>

Батманова 2020 – *Батманова Л.* Не изменяя традициям // Искра. 03.11.2020. <https://iskratgg.ru/index.php/novosti/104-tema-nomera/9340-ne-izmenyaya-traditsiyam>

В Коми... 2019 – В Коми нашли еще одного древнего “крокодила” // Интинские новости. ВКонтакте. 25.10.2019. https://vk.com/wall-36787841_52918?w=wall-41887208_37832

Владимирова 2006 – *Владимирова Е.* По следам ГУЛАГовских времен // Искра. 12.06.2006.

Детская болезнь 1990 – “Детская болезнь” или Дань памяти // Искра. 1990. 20 января. С. 2.

Дьяконова 2015 – *Дьяконова О.* Замерзшая дивизия // Уральский следопыт. 2015. № 5. С. 3–7.

- Интинские новости 2021 – Красочный фотоальбом об Инте // Интинские новости. 30 октября 2021. https://vk.com/intanews?w=wall-41887208_59387
- Интинский... 2021 – Интинский краеведческий музей. ВК. 30.10.2021. https://vk.com/inta_museum?w=wall-52829447_2767
- Красный Яр б.г. – Красный Яр. Котельничский район // Яранская епархия. YouTube. <https://clck.ru/pkK2T> (дата обращения: 03.11.2021).
- Курбатов 2018 – Курбатов А. Многослойный Котельнич. Жуковлянские валуны, парейазавры и купеческий городок // Свой Кировский.рф. 14.09.2018. <https://kirov-portal.ru/blog/mnogoslojnyj-kotelnich-zhukovlyanskije-valuny-parejazavry-i-kupecheskij-gorodok-4380>
- Ладыгина 2020 – Ладыгина Т.А. Палеонтология Красноуфимска: изучаем вместе с профессором из Москвы Пермский период Палеозойской эры // Красноуфимский краеведческий музей. 09.04.2020. <http://www.museum-kruf.ru/paleontologiya-krasnoufimska-izuchaem-vmeste-s-professorom-iz-moskvy-permskij-period-paleozojskoj-ery>
- Малофеевская 2004 – Малофеевская Л.Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004.
- Мулланурова 2004 – Мулланурова Г. Из названия улицы узнала о дивизии // Знак вопроса. 2004. № 19. С. 2.
- Музей истории... б.г. – Музей истории политических репрессий // Российская музейная компания. https://www.ros-museumstroy.ru/portfolio/muzei-podklyuch/5686?PAGEN_1=2 (дата обращения: 03.11.21).
- Обелиск... 2019 – Обелиск “Воинам Советской Армии умершим от ран” // Библиотеки Медногорска. 25.07.2019. <https://bibka56.ru/zakhoroneniya/obelisk-voinam-sovetskoj-armii-umershim-ot-ran>
- Открытие геликоприона б.г. – Открытие геликоприона // Геликоприон. Виртуальный музей “На рифах Пермского моря” (Красноуфимский краеведческий музей). С. 37–44. <http://www.gelik.museum-kruf.ru/rif/#11> (дата обращения: 03.11.2021).
- Проект... 2011 – Проект “Котел времен” победил в областном конкурсе // Котельнич.info. 07.12.2011. <https://www.kotelnich.info/home/item/582-proekt-kot%D1%91l-vrem%D1%91n-pobedil-v-oblastnom-konkurse.html>
- Прокофьева 2020 – Прокофьева Н. А вокруг – безымянные могилы. По местам политрепрессий // Живу в Коми. ЯндексДзен. 20.10.2020. <https://zen.yandex.ru/media/id/5a1833d3482677a03feabf27/a-vokrug-bezymiannye-mogily-po-mestam-politrepresii-respubliki-komi-5f96b163bc35081b52a4b6f7>
- Хабаров 1990 – Хабаров П. Сохраним гордость города // Искра. 1990. 18 августа. С. 7.
- Эскизы... 2020 – Эскизы для палео-тропы // КСК66. 05.06.2020. <https://clck.ru/pkheE>
- Научная литература*
- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019.
- Беляева М.А., Ладыгина Т.А. Условия конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 73–80.
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022а.
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022б. № 1. Т. 34. С. 69–94.

- Веселкова Н.В.* Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 50–61.
- Жеребцов И.Л. и др.* Очерки по истории политических репрессий в Коми: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд “Покаяние”, 2006.
- Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Коми в 1930–1950-е гг. // Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: б.и., 2006. С. 121–177.
- Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009.
- Игнатова Н.М.* Смертность спецпереселенцев в Северном крае в 1930-е годы: причины, масштаб, статистический учет // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 42–52.
- Каганский В.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: сборник 2013 / Ред.-сост. А. Курилкин. М.: Strelka Press, 2013. С. 50–72.
- Цурик Т.О.* (ред.) Культурный ландшафт Курского края: особенности и перспективы развития. Курск: Университетская книга, 2015.
- Корольков А.Т., Мурзинцева А.Е., Лямина Н.А. Г.А.* Дмитриев. Трудная судьба и палеонтологические открытия // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия, Науки о Земле. 2016. Т. 17. С. 103–114.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9–21.
- Мазур Л.Н.* Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 20–49.
- Максимова Л.А.* Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа // Серия препринтов “Научные доклады”. № 39-2005. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.
- Митин И.И.* Палимпсест, место как палимпсест (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 347–348.
- Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 147–156.
- Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1997.
- Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Прямикова Е.В.* Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов Инты и Котельнича // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 61–72.
- Родоман Б.Б.* Региональная архитектура и культурный ландшафт // География. 2002. № 10. С. 3–6.
- Трубина Е.* Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени:

- социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2011. С. 25–44.
- Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России / Науч. ред. М. Бассин, К.Э. Аксенов. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.
- Binder J.* Stadt als Palimpsest – Zur Wechselwirkung von Materialität und Gedächtnis. Berlin: Neofelis Verlag, 2015.
- Cole T.* Scales of Memory, Layers of Memory: Recent Works on Memories of the Second World War and the Holocaust: Review Article // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. No. 1. P. 129–138.
- Connerton P.* Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
- Forcinito A.* Introduction: Layers of Memory and the Discourse of Human Rights: Artistic and Testimonial Practices in Latin America and Iberia // Hispanic Issues On Line. 2014. Vol. 14. P. 1–17.
- Jelin E., Kaufman S.G.* Layers of Memories: Twenty Years after in Argentina // Commemorating War: The Politics of Memory / Ed. G. Dawson. L.: Routledge, 2017. P. 89–110.
- Meinig D.W.* Introduction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. D.W. Meinig. N.Y.: Oxford University Press, 1979. P. 1–7.
- Musekamp J.* Zwischen Stettin und Szczecin: Metamorphosen einer Stadt von 1945 bis 2005 (Vol. 27). Darmstadt: Otto Harrassowitz Verlag, 2010.
- Musekamp J.* Archäologie lokaler Identität: Schichten der Erinnerung in Stettin seit 1989 // Osteuropa. 2013. Vol. 63. No. 8. P. 19–33.
- Pakier M., Wawrzyniak J.* Introduction: Memory and Change in Eastern Europe: How Special? // Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives / Eds. M. Pakier, J. Wawrzyniak. N.Y.: Berghahn Books, 2015. P. 1–20.
- Schloegel K.* Places and Layers of Memory – Reflections on the Eastern Part of Europe // Osteuropa. 2008. Vol. 58. No. 6. P. 13–25.
- Wallman S.* Sometime Kin: Layers of Memory, Boundaries of Ethnography. N.Y.: Berghahn, 2020.

Research Article

Veselkova, N.V., and E.V. Pryamikova. Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers [Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Natalia Veselkova | <http://orcid.org/0000-0002-0855-8901> | vesselkova@yandex.ru | Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)

Elena Pryamikova | <http://orcid.org/0000-0002-6783-008X> | pryamikova@yandex.ru | Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia) | Ural State Pedagogical University (26 Kosmonavtov St., Ekaterinburg, 620091, Russia)

Keywords

memorative landscape, social memory, layering, oblivion, actualizations politics of memory

Abstract

The memorative landscape of any city is a complex multi-layered system. The focus of attention is placed on four small Russian cities, differing in the age of existence: the “old” Kotelnich and Krasnoufimsk and the “young” Inta and Mednogorsk. The formation of a memorative landscape is considered according to the criteria of connection with the place of memorized events, the time of creation and actualization. In the modern landscape of the analyzed cities, three epochs subjected to memorization are clearly distinguished: the prehistory of mankind, the merchant past, and the Soviet period. The general trend is towards location-based memorization. The configurations of the memorative landscape elements, the logic and dynamics of actualization ensure its uniqueness within a particular city.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00418]

References

- Assmann, A. 2019. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of History – Obsession with History]. Moscow: NLO.
- Belyaeva, M., and T. Ladygina. 2022. Usloviia konstruirovaniia i sokhraneniia memorativnykh landshaftov malykh gorodov [Construction and Preservation of Memorative Landscapes of Small Towns]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 73–80. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Binder, J. 2015. *Stadt als Palimpsest – Zur Wechselwirkung von Materialität und Gedächtnis* [City as Palimpsest – On the Interaction of Materiality and Memory]. Berlin: Neofelis Verlag.
- Cole, T. 2002. Scales of Memory, Layers of Memory: Recent Works on Memories of the Second World War and the Holocaust: Review Article. *Journal of Contemporary History* 37 (1): 129–138.
- Connerton, P. 2008. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies* 1 (1): 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
- Forcinito, A. 2014. Introduction: Layers of Memory and the Discourse of Human Rights: Artistic and Testimonial Practices in Latin America and Iberia. *Hispanic Issues On Line* 14: 1–17.
- Jelin, E., S.G. Kaufman. 2017. Layers of Memories: Twenty Years after in Argentina. In *Commemorating War: The Politics of Memory*, edited by G. Dawson, 89–110. London: Routledge.
- Ignatova, N.M. 2006. Spetspereselentsy v Komi v 1930–1950-e gg. [Special Settlers in Komi in the 1930s–1950s]. In *Etnicheskii faktor v demograficheskom razvitiu Respubliki Komi (seredina XIX – nachalo XXI veka). Ocherki istorii narodonaseleniia* [Ethnic Factor in the Demographic Development of the Komi Republic (Mid 19th – Early 21st Century): Essays on the History of Population], edited by V.V. Fauzer, 121–177. Syktyvkar.
- Ignatova, N.M. 2009. *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930-e – 1950-e gg.* [Special Resettlers in the Republic of Komi in the 1930–1950^s]. Syktyvkar: Komi NTs URO RAN.
- Ignatova, N.M. 2011. Smertnost' spetspereselentsev v Severnom krae v 1930-e gg.: prichiny, masshtab, statisticheskii uchet [Mortality Rate of Special Settlers in the Northern Krai in the 1930s: Causes, Scale, Statistical Records]. *The New Historical Bulletin* 2 (28): 42–52.

- Kaganskiy, V. 2013. Kak ustroena Rossiia? Portret kul'turnogo landshafta [How is Russia Organized? Portrait of a Cultural Landscape]. In *STRELKA: sbornik 2013* [STRELKA: Collection 2013], edited by A. Kurilkin, 50–72. Moscow: Strelka Press.
- Korolkov, A.T., A.E. Murzintseva, and N.A. Lyamina. 2016. G.A. Dmitriev. Trudnaia sud'ba i paleontologicheskie otkrytiia [G.A. Dmitriev: Difficult Fate and Paleontological Discoveries]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii, Nauki o Zemle* 17: 103–114.
- Tsurik, T.O., ed. 2015. *Kul'turnyi landshaft Kurskogo kraia: osobennosti i perspektivy razvitiia* [Cultural Landscape of the Kursk Region: Features and Development Prospects]. Kursk: Universitetskaia kniga.
- Lotman, Y.M. 1992. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City]. In *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected Articles, 3 vols], 2: 9–21. Tallin: Aleksandra.
- Maksimova, L.A. 2005. Lagernaia industrializatsiia v Komi: opyt analiza [Camp Industrialization in Komi: Experience of the Analysis]. In *Seriia preprintov "Nauchnye doklady"* [Series of Preprints "Scientific Reports"] 39-2005. Syktyvkar: Syktyvskii gosudarstvennyi universitet.
- Mazur, L. 2022. Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniia istoriko-kul'turnogo landshafta [Historical-Cultural Landscape and Its Development in Small Russian Towns]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 20–49. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Meinig, D.W. 1979. Introduction. In *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*, edited by D.W. Meinig, 1–7. New York: Oxford University Press.
- Mitin, I.I. 2005. Palimpsest, mesto kak palimpsest (Materialy k slovariu gumanitarnoi geografii) [Palimpsest, Place as a Palimpsest (Materials for the Dictionary of Humanitarian Geography)]. In *Gumanitarnaia geografiia: nauchnyi i kul'turno-prosvetitel'skii al'manakh* [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural and Educational Almanac], edited by D.N. Zamiatin, 2: 347–348. Moscow: Institut Naslediia.
- Mitin, I.I. 2014. Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskii podkhod v kul'turnoi geografii [Place as a Palimpsest: A Mythogeographical Approach in Cultural Geography]. In *Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniia, analitika, kontsepty* [The Phenomenon of Culture in Russian Social Geography: Expert Opinions, Analytics, Concepts], edited by A.G. Druzhinina and V.N. Streletskogo, 147–156. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta.
- Morozov, N.A. 1997. *GULAG v Komi krae. 1929–1956* [GULAG in the Komi Region: 1929–1956]. Syktyvkar: Syktyvskii gosudarstvennyi universitet.
- Musekamp, J. 2013. Archäologie lokaler Identität: Schichten der Erinnerung in Stettin seit 1989 [Archeology of Local Identity: Layers of Memory in Szczecin Since 1989]. *Osteuropa* 63 (8): 19–33.
- Musekamp, J. 2010. *Zwischen Stettin und Szczecin: Metamorphosen einer Stadt von 1945 bis 2005* [Between Stettin and Szczecin: Metamorphoses of a City from 1945 to 2005]. Vol. 27. Darmstadt: Otto Harrassowitz Verlag.
- Olick, J. 2012. Figuratsii pamiati: protsesso-reliatsionnaia metodologiia, illiustriruemaia na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case], translated by D. Khlevniuk. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 11 (1): 40–74.
- Pakier, M., and J. Wawrzyniak, eds. 2015. Introduction: Memory and Change in Eastern

- Europe: How Special? In *Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives*, edited by M. Pakier and J. Wawrzyniak, 1–20. New York: Berghahn Books.
- Priamikova, E. 2022. Pamiat' v malom gorode: opyt issledovaniia poliarnykh keisov Inty i Kotelnicha [Memory in a Small Town: The Cases of Inta and Kotelnich]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 61–72. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Rodoman, B.B. 2002. Regional'naia arkhitektura i kul'turnyi landshaft [Regional Architecture and Cultural Landscape]. *Geografiia* 10: 3–6.
- Schloegel, K. 2008. Places and Layers of Memory – Reflections on the Eastern Part of Europe. *Osteuropa* 58 (6): 13–25.
- Turovskiy, R.F. 2003. Sootnoshenie kul'turnykh landshaftov i regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [Correlation of Cultural Landscapes and Regional Identity in Modern Russia]. In *Identichnost' i geografiia v sovremennoi Rossii* [The Identity and Geography in Contemporary Russia], edited by M. Bassin and K.E. Aksenov, 139–173. St. Petersburg: Gelikon Plus.
- Trubina, E. 2011. Uchas' vspominat': vektory issledovaniia pamiati [Learning to Remember: Vectors of Memory Research]. In *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiati* [Power of Time: Social Boundaries of Memory], edited by V.N. Yarskaya and E.R. Yarskaya-Smirnova, 25–44. Moscow: Variant; TsSPGI.
- Vandyshchev, M.N., E.V. Pryamikova, and N.V. Veselkova. 2022. *Industrial'naia pamiat': masshtaby i mnozhestvennost'* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Vandyshchev, M.N., N.V. Veselkova, and E.V. Pryamikova. 2022. Memorativnyi landshaft: kontseptsii i opyt primeneniia [Memorial Landscape: Concept and Experience of Application]. *Sotsiologiya vlasti* 1 (34): 69–94.
- Veselkova, N.V. 2022. Memorativnyi landshaft: opyt metodologicheskoi refleksii [Memorative Landscape: Experience of Methodological Reflection]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 50–61. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Wallman, S. 2020. *Sometime Kin: Layers of Memory, Boundaries of Ethnography*. New York: Berghahn.
- Zherebtsov, I.L., et al. 2006. *Ocherki po istorii politicheskikh repressiy v Komi* [Essays on the History of Political Repressions in Komi]. Syktyvkar: Fond “Pokaianie”.